

Виктор Овсянников

**Увлекательные
похождения в
челдониях**

**СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ**

18+

Виктор Овсянников

**Увлекательные
похождения в челдониях**

«Автор»

2026

Овсянников В. А.

Увлекательные похождения в челдониях / В. А. Овсянников —
«Автор», 2026

Базируясь на исторических документах, роман посвящён началу русской Сибири, первым политическим ссылкам, основным событиям сибирской истории с начала 16 века, быту и нравам сибиряков. Показана сильная противоречивость сибирского характера – сочетание свободолюбия с покорностью властям, жестокости с добродетельностью. В художественной форме дана жёсткая оценка исторической судьбы России в целом.

© Овсянников В. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Увлекательные похождения в челдониях

Глава

(почти исторический роман)

«Челдон шапку не ломат» (старая сибирская поговорка)

Посвящается моим детям Лизе и Даше и внукам Ване, Стёпе и Скарлетт

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Как могло быть или не быть на самом деле.

Было, всё было. Так или не совсем так, но давненько. Свидетели тех времён перемёрли и даже сомнительных мемуаров не удосужились оставить. Раз уж суждено нам окунуться в истоки русской Сибири, начнём, пожалуй, не с самых первых и туманных проникновений в неё жителей северных окраин Руси – поморов. Началом ползучего, но неудержимого присвоения сибирских бескрайностей будем считать – так давно принято – появлением в Сибири легендарного Ермака. С него и начнём наше не совсем историко-научное повествование.

Глава 1

в которой атаман-разбойник Ермак услышит от татарского мурзы много любопытного и о себе самом

* * *

Как же скучна и ленива Волга при жаркой погоде! Утомилась под палящим солнцем и уныло раскинулась в своём неспешном среднем течении между однообразных и скучных берегов. Долго пихала свои воды от холмистых верховий дальше и дальше к сухому и знойному югу. Разлилась между Горной и Луговой сторонами. Сама, того не ведая, стала преградой наступавших на левый берег степных ландшафтов с редкими дубравами и низкорослым сосняком.

Сюда не часто добирались отряды волжского казачества – вольных хозяев на нижней Волге. Побоялись близкой, уже русской Казанской крепости. Но соблазн был велик. Волга здесь – бойкий торговый путь. Есть где разгуляться вора и разбойникам.

Почти пустынные пространства здешнего левого берега, Луговой стороны. До казанских предместий даже мелких селений не было. Правый берег Волги уже давно под хозяйским приглядом России. А на левом царская власть долго не могла закрепиться. Земли близ впадения Камы в Волгу были как бы ничейными – между русскими окраинами и степными кочевниками.

В стороне от царского надзора нашёл пристанище один из отрядов волжских казаков-разбойников. Промышляли мелким и крупным грабежом плывших по главному водному пути

купеческих караванов. Грабили чаще умеренно, по-доброму и обоюдному согласию. По принципу «волки сыты и овцы целы». Опасались навлечь на себя жёсткие карательные меры центральных русских властей. Хотя сведения о случавшихся злоупотреблениях, бесчинствах, а порой и зверствах казаков доходили до царя. Тот, высказывая сильное недовольство, постоянно грозил расправиться с ними.

А пока казачья вольница гуляет по Волге-реке. Но уныло и скучно казаку-разбойнику на душных и пыльных берегах в жаркую летнюю пору. Как ни тешили себя, ни веселили гуляющие людишки да воры – всё не в радость в таком банном пекле. А забав хватало. Жирного татарина прищучат, не желающего мирно договориться по имущественному вопросу. С его чумазыми жёнками позабавятся вволю. Случалось, у коварного жида-крымчака челн остановят, а самого на кусочки порубят с конфискацией купеческого груза.

Но всё уже не радует безмятежно, не облегчает грешную душу православного христианина. Не очень тешило и решение вечного «женского вопроса». Ни девок, ни баб, оказавшихся по своей или чей-то дури в караване, не пропускали «без должного внимания» голодавшие по женскому телу казаки.

Но чаще всё слаживали иначе и полюбовно, без принуждения и к общему благу. Местные кочевые татары и другие непоседы-передвижки навещали казаков для взаимовыгодного «товарообмена». За заморские гостинцы отдавали жён и дочерей казакам во временное пользование, к удовольствию всех участников сделки. Заодно разбавляли свою кочевую кровушку свежей казацкой.

* * *

После половины дня ленивого пути клонящееся к закату солнце нещадно пылает, обжигает, жарит и палит. Спеклись всякие мысли и жалкие желания у казачков-разбойников. Лишь их атаман крепится в раздумьях, не дающих успокоения.

«Хоть я, раб божий, рожей не красен да одежей не шибко пригож, однако воровской вольницей сыт и блажен» – думал Ермак Тимофеевич, почивая в спасительной тени богатого атаманского шатра.

Скромничал Ермак. Выделялся лихой атаман всем обликом своим меж других казаков. Не молод уже, но лицом красив и строг, примечателен и одеждой, совсем не бедной. Темноволосый с чуть седеющими висками, *«мужествен и всякой мудрости доволен, плосколиц, черн брадою и плоск, и плечист»*.

Устал атаман от шумной ватаги своих соратников. Отдыхал в гордом одиночестве душою и телом на исходе особенно жаркого поволжского лета. Оно ещё щедро пышет своим прощальным зноем. Калит горячими лучами ползущего к закату солнца.

После полуденного жара обленились и прочие казаки. От дневной трапезы, обильно сдобренной трофейными заморскими винами, многих сморил сон. Кто как сумел, укрылись в скупой тени невысоких утёсов волжского берега и редких пропыленных деревьев. Иные попрятались в собственных шатрах, душных и раскалённых солнцем, мало спасавших от его безжалостных лучей.

Даже лень стало грабить купцов. Дали и им передышку. Но рискнувшие плыть без надёжной охраны купеческие караваны всё же старались держаться другого берега реки и быстро миновать опасное место.

* * *

Но случилось неожиданное: от близкого устья Камы, гребя против слабого здесь течения, медленно приближался к берегу небольшой челн. Встрепенулись казаки, стряхнули дремоту, загалдели:

– Золотая рыбка сама в руки плывет!

Но опасались хитрого подвоха. Однако поуспокоились, видя, что из челна выходят несколько безоружных людей и низко кланяются казакам.

Выступил вперёд один – особо нарядный, не слишком высокий, но крепкий. Незванный гость, как было сразу замечено бывальными казаками, оказался татарин. Был ли он хуже или лучше других представителей татарского племени – скоро узнаем.

Почтительно снял богатую соболью шапку. Сузил глаза и растянул губы в любезной, но в меру ехидной улыбке. Поклонился и настойчиво просил свести его к атаману – дело важное есть до него.

На шум сам Ермак нехотя объявился. Глянул суровым взглядом на упрямо домогавшего его татарина. Понял, что никакой опасности от него нет – хоть и крепок, но не чета могучему казачьему атаману. Да и сабля у Ермака на поясе с золочёной рукоятью на всякий неожиданный случай.

Злится атаман, что пустяками тревожат. К его нраву, суровому, не радушному, добавился изнуравший и его зной:

– Пошто кликал меня, басурман!? Кое дело до меня, тварь божья? Сам, чай, не дюже знатен, да время моё бесценное тратишь! – грубо вещал Ермак строгим атаманским голосом, положив ладонь на эфес сабли.

Татарин снова низко поклонился, улыбнулся любезнее прежнего и смиренно ответил:

– Зови, Ермачко, меня – Тимер-мурза. Родом из татарских мурз Казанского ханства. Смекаю, что ты и есть, коего атаманом Ермаком кличут. Давеча на Каме-реке сказывали, что тебя, Ермачко, бог даст встретить в сих краях...

– Нет охоты брехне твоей внимать, морда татарская! Насрать мне, кой ты и отколь будешь. На кой ляд без нужи великой меня, атамана, тревожишь? – резко прервал его Ермак. – По обличью челна зрю, чай, не с низов плывёшь, ханского добра будет ли? Поделиться с добрым казаком, поди, нечем? Коли так, ступай прочь, покуда цел! Теперича я добрый. Притомился терзать и грабить. Об тебя, поганого, персты марать не стану.

– Добра не мало есть, хошь и не ханского. – смутился мурза и склонил голову. – Будь твоя воля, не обижу, чем бог послал. Но сперва потолкуем. До тебя, Ермачко, нужна есть. А тады и порешишь со мною и с добром моим. Что есть в челне, забрать посмеешь, коль воля будет. Дары сибирские собирал царю Иоанну. Проведает, что пограбил их, тебе же хуже. Он на тебя зело сердает.

Знал Ермак, что царь Иван не балует его большой любовью. Нелюбовь взаимной была. Но, пока он вольный казак, на что ему царская любовь?

Понизил мурза голос и почти прошептал:

– Не сыскал ты покуда прадеда славу, колумбову. А наперёд сего, кто ведает? О делах твоих кафских потолковать желаю. Да истинных предков, грешным делом, помянуть. Царствие им небесное... – Дрогнул мурза от тихих слов своих. Но унял страх и закончил. – Не тревожь понапрасну душу. Беды от меня не жди.

* * *

Словно горячий полуденный жар обжёг все члены Ермака, проникая до самых костей. Лицо покрылось багровыми пятнами. Чуть не зарычал от свирепого гнева. Сурово нахмурился и оставил без ответа странные слова татарина. Но, вдруг, схватил его за руку и повёл в сторону от стоявших поблизости свидетелей разговора. Зашёл в скудную тень прибрежного корявого дерева. Отогнал подальше дремавших под ним казаков.

– Не тревожься Ермачко, – повторил муза нетвёрдым голосом. – В скорости проведаешь, пошто сородича твоего помянул.

Сжался Ермак, словно пружина. Лицо сильнее налилось кровью, но опять не сказал ни слова в ответ. Тихо стало кругом. Даже унылое стрекотанье кузнечиков перестало нарушало липкую тишину знойного полдня.

От вида Ермака голос мурзы дрожал ещё сильнее:

– Не серчай Ермачко. Я весь в твоей воле. Сруби грешную татарскую голову, да первое выслушай. Поведаю без утайки, но пожди срока, – не без опаски бормотал мурза.

Ещё тревожней и тише стало вокруг. Но, вдруг, в пожухлой траве разом затрещали кузнечики. В предвечернем воздухе – звонко, жарко и душно. Пахло скорой грозой.

Понял мурза, что настал роковой момент. Нужно смирить слабость свою и страх свой. Отступать поздно. Оправдываться бесполезно. Ермак не простит сказанных крамольных слов. Сейчас или никогда!

Глубоко вздохнув, ошарашил мурза Ермака каверзным вопросом:

– Кой твой государь и кой твой бог?

Снова опешил Ермак. От слов таких словно язык проглотил. Вместо ответа опять налилось кровью лицо. Кулаки сжались.

– Не мучься Ермак. Сам тебе поведаю, – прервал раскаленную тишину Тимер-мурза. – Из племени ты жидовствующих, хриstopродавцев, католических выкрестов. И был бог твой – наш, да не наш... Пошто молчишь? Убей поганого татарина, коли не так. Всё ведаю и скажу, аки на духу – на то чаял встречи с тобою, желая оную пуще всех радостей земных и грехов моих тяжких отпущения.

Аж почти зарычал Ермак от слов таких. Но вдруг обмяк атаман-герой, разбойник бравый и беспощадный. Только и смог прошептать сквозь скрежет зубов и дыханья жар:

– Сказывай, мурза, всё сказывай, кое ведаешь про меня! Не то умертвляю нещадно, раздавлю аки тварь мерзкую, с землей сравню. Ни бог, ни дьявол не воспретят!

* * *

Помолчал татарин-купец, понял, что теперь спешить ни к чему и рассказ пойдет небыстрый. Никуда теперь Ермак-богатырь от него не денется, покуда не расскажет татарин всего, что знает, что сам видел да от других слышал. А чего не знает, тому бог надоумит. А чей бог – уже не важно.

– Не ведаю доподлинно, кое истинное имя твое Ермак – Ермолай ли, Евсей ли? Много сказов о сём сказывали, да не ведаю коим веру иметь. Токмо, Ермак, не погоняй. Начну изда-леча, штоб тебе яснее стало.

Не в праве я, раб божий, ведать – ты ли, брат ли твой Евсей де под пытками насказывал о себе. На допросе оный беглый именем Евсей Тимофеев сын показал, де крещеный он еврей, из католиков. Да сызнова сгинул сей беглый неведомо куда.

От тайного человека получил я наказ главного царева слуги Скуратова-Бельского, по прозванию Малюта – шайтан его пестовал. Сам истинный шайтан! А наказ сей тайный – ссы-кивать да донести до тебя зело великую жажду Малюты послать тебя, дабы изведаль ты неведомы покуда земли за Урал-камнем и дале.

Дрогнули, встрепенулись широкие плечи Ермака, но совладал собою, вида не подал, лишь сдвинул густые брови да слушать стал прилежнее.

– Не тщусь доподлинно сказывать. Слыхали мы, что ты де итальянский католик, тайно присланный в Русь нашу через Тавриду Папой либо евойным кардиналом. Сказывали, что около ста лет тому в ту же Кафу от мора голодного де добралось семейств несколько из Генуи. В числе их и некий Готлиб Коломбо, крещеный еврей с семейством. Был из чад ево сын Тимоти – истинный отче твой, Ермолай Тимофеевич. А ты внучатый племянник великого Колумба.

Аще ведаем, Ермак, велено тебе служить богу твоему и наместнику его – Папе католическому, коего прозывают римским. Да ты горделиво возомнил, что наместник тот далече, и избрал себе волю казацкую, предался разбоям и грабежам.

Пора рассеять сомнения изумлённого читателя. Туманна история Ермака. Не счесть в ней белых пятен. Наговорил мурза много слов. Что из них правда, а что слухи да пересуды – нам уже не узнать. Потому просто вернёмся к нашим героям. Пусть сами про всё судят да решают. А мы постоим в сторонке.

* * *

Не мог стерпеть атаман таких откровений. Многие слова мурзы сильно смутили его.

– Путанно вещаешь татарин! Не твоево скудного умишка дело сие. Засунь домыслы в глотку свою поганую, да аще вернее – глубже с иного края – в жопу! – воскликнул возмущённый Ермак.

Замолк мурза ненадолго. От резких слов Ермака широкое скуластое лицо покрылось мелкими каплями пота. Перевел дух, обтёр рукавом испарину со лба и продолжил в полголоса:

– Не серчай Ермачко. Путанно вещаю, ибо много сие с чужих слов. Покуда до меня дошедши, скривиться могло. Однако же корни твои кафские и колумбовы ни крохи сумлений не внушают.

Молчал Ермак минуту-другую. Думал, что ответить на дерзкий рассказ татарина. Гневаться ли сильнее прежнего или, признав правоту его, хоть частичную, сменить гнев на милость и искать выход из затруднительного положения.

Молчал и мурза. Но, решив, что гнев Ермака утих, стал рассказывать дальше, чтобы войти в доверие сурового атамана.

– Опосля взятия Казани доблестной ратью царя Иоанна и пришествия сего града в Русь великую, порешил я служить верой и правдой государю нашему. Принял Христову веру. Однако переменчивы нравы Иоанновы. Дабы избежать царской опалы, довелось уйти в купеческое сословие. Съехал я в Касимов-град, в коем худо-бедно промышлял по купеческому делу...

Ермак слушал его в пол-уха, а сам размышлял, как быть со слишком осведомлённым татаринном.

– Кратче бреши мурза! Доколь на пекле тебе внимать стану?

– Прости мою душу грешную, атаман, за речь мою. Иначе тяжко тебе разуметь. Коварен наш государь и неведом наперёд сего нам рабам грешным, – продолжал мурза. – В сию же пору, почитай лета три тому, собирался я в великое странствие во Китай-страну по купеческому делу. Путь держал из Касимова по Оке и Волге до Астрахани. По морю Каспию и дале великим путём шёлковым... Но сей сказ зело долог. Опосля, коль дозволишь, поведаю тебе.

– Мудрено вещаешь мурза. Брехать горазд. От меня-то что за нужда? И пошто должен миловать за крамольны речи твои и отпущать с поклажами? Доколе още терпеть словомудие твоё? – сердито отвечал Ермак.

Помолчал немного мурза и продолжил.

– До великого государя мне надобно. В скорости поймёшь, по коему делу. Не ведаю, пособит ли теперича сродник мой касимовский хан Семеон Бекбулатович. Был он в чести у царя Иоанна, да за три лета много смениться могло. Однако зорко зрит наш бог православный. Да не покинет меня грешного. Имеется и запасный ход к государю, коли потребно станет. Ведом мне опричник бывший, конюх государев – Фетка Сурия. Слыхивал я, и поныне верен да люб ему. А дело моё к государю великой важности...

* * *

Понял мурза, что Ермак немного успокоился, и можно сказать ему о самом наболевшем. О том, что привело к нему.

– Сказывал я, сколь переменчив нрав государев. Краткую добродетель сменяли ненависть и расправы пуще прежних. Божья Русь погрязла в смутах и шатаньях, изменах и клеветах, пытках и убиениях невинных.

Не токмо он виною во нраве буйном и власти душегубной. Люд Московии – подлый от века, донныне и впредь – завсегда раболепно молил его вратиться к воле жёсткой и коварной. Карай виновных и невинных – дабы токмо не покидал их, слепо преданных, убогих и жалких рабов. Вожделеют холопы рабской любовью к тиранам и душегубам, да не верует мягким и праведным. Что есть добро – не ведают. А кто ведаёт? Один лишь бог, да не каждого вразумит. Редок на Руси добрый человек. Посему и мы редко добры...

Прервался мурза перевести дух. Блеснули влажные глаза. Ермак только ухмыльнулся.

– Зело хворает Русь наша, почитай, без надежи вовсе, – продолжил мурза. – Потребно исцелить её, направить на путь праведный. Смирить надобно смятенного духом государя, погрузившего в кровь половину Руси. Ты ж атаман-казак, не холоп жалкий, надлежит разуметь. Спасти Россию-матушку – нужда зело велика!

Нужный путь бог правит. Бог пути кажет. Да без нас, грешных, сам бог не сладит. Пособить надобно набрать силу державную. Добром – не злом. Скрепить и расширить Руси величие! Отсель до колумбовых далей. Довелось и мне, грешному, те дали лицезреть малость. Поведаю тебе, коль пожелаешь. Есть и иная пособница в деле праведном. Вскорости о ней поведаю...

Ай да мурза! Не купец, а глашатай исторической мудрости и справедливости! Наивной? Возможно.

* * *

От горячих крамольных слов своих волновался мурза, аж снова потом прошибло. Лицо опять покрылось мелкой испариной.

Совсем озадачили Ермака страстные речи его. Вовсе не глуп атаман, но хитёр. Став во главе казачьей вольности, не часто задумывался о «высоких материях». Больше думал о простых материальных проблемах. А хитрости было не занимать. Не татарской – русской или какой ещё.

Не знал, что ответить и думал пока: «Вещай, вещай, мурза. Твоими устами да мёд пить. Мы люди простые. Свой барыш и корысть сами ведаем и сами порешаем». Но, не желая показать смущение от откровений мурзы, перевёл разговор на другое:

– Доколе будешь кривить, басурман, речами путанными! Молвишь, ты де крещеный, Иуда? Собратьев предал. Коему ж богу ты веруешь – Аллаху басурманскому либо господу нашему Иисусу Христу? Да есть ли бог в тебе, и был ли ты государевой служкой?

Лишь на миг сверкнули искры в раскосых глазах татарина, но не скрылись от Ермака. Ответ прозвучал взволнованно и резко:

– Един наш бог православный, а наместник его на земле нашей – царь Иоанн Великий! От бога отказаться – к сатане пристать. В мале бог и в велике бог!

Напряжение в каждом из них нарастало и грозило недоброй развязкой. Но тут круглолицый мурза расплылся в такой улыбке, на какую способны лишь дети татарского племени:

– Ты верно молвил, казак: государев я был человек, им и остался в душе моей грешной. Бог мой – государев бог!

Понял мурза, что в Ермаке, при его строптивости, что-то изменилось. И продолжил:

– В православной Москве нашей про подвиги твои давно ведали да изловить грозили. Но умен, хошь свиреп и коварен, наш государь Иоанн, а слуга его Малюта, хошь жесток, но хитер. И решил Малюта сослужить особую службу Расее-матушке, таясь покуда до поры от государя нашего. – сказал мурза и добавил, – Кому коли не тебе, отпрыску племя колумбова, да атаману дерзкому и удачливому покорить отныне и до веку бескрайнее царство от Югорского и Уральского Камений на восход. Докуда влачится – нам не ведомо. А то и до самых земель колумбовых. И учинить Русь нашу величайшей из государств великих и всех земель господних!

Продолжал уже спокойнее, без пафоса:

– Сказывали, Колумб жаден был да суров и беспощаден. Ты семя его. И коим станешь – на то божья и твоя воля. Однако, окромя тебя надёжи нет. А пособит в сих помыслах и в твоих грядущих деяниях сия вещьца...

Мурза отступил на пару шагов и стал снимать с пояса под одеждой шаль, шёлковую, густо красную – этот цвет на Руси издавна киноварью зовётся – покрытую цветами неведомыми и узорами затейливыми.

– Бери, что тебе любо. Раздень, разуй меня, воля твоя, а шаль отдать не властен. Великому государю привезти должен. Шаль сия – дар мне от ламы из страны доселе неведомой за Камнями великими, Алтайскими, Саянскими да Байгальскими...

– На кой потребна мне шаль твоя?! – снова не выдержал Ермак.

Мурза продолжил:

– И дал сей лама из дальних мест пророчество: кой человеке сбережет шаль в целости, станет властелином великой страны за Югорским и Уральским камнями. А коль утерять шаль, сие чудо дивное – обречет страну свою на разорение и лишения до скончания многих веков.

Не поверил Ермак странным и непонятым словам татарина, но любопытно стало:

– Кои неведомы страны? Отколь про оные разумеешь? Поди врешь, басурманское семя! Стерплю тебя малость от скуки знойной, а опосля – пеняй на себя.

Не смутился мурза и начал сказывать пока не долгую свою историю.

* * *

– Пошукали мы тебя на Волге, да времени было в обрез и в другие места надобно. Как вертался, враз и вспомнил – дело сие малютово доделать. Иначе худо мне будет и тебе несдобровать. Всех достанут, всюду сыщут.

– Припозднился мурза. Сказывали, преставился де раб божий Малюта. Лишил и тебя бремени от обузы государевой.

– И я слышал. Сказывали, погибох де воевода дворовый при штурме ливонской крепости от рук единоверцев твоих... ладно, ладно, молчу – бывших. Аще проведаль я, что Малюта на смертном одре, в бреду ли, в уме ли половинном такое речил. Не пословно, а, как слышал и памятовал:

«Дело мое государево жить будет во веки многие. Ибо не мочно царю без грозы быть. Дело опричное да святое буде шириться и полниться по вся Русь, в рубежах нынешних и

в грядущих. Придут цари и уйдут цари. А подвалы мои пытошные – сто крат уширятся да углубятся. Да быть по сему во многие века на Руси!» – молвил и дух испустил...

Да, напорочили нам мурза и Малюта! Кто бы мог предполагать? Сбылось почти всё и почти так.

– Посему нам, Ермолаюшка, воли вольной не будет. Сильны, долги да беспощадны руки государевы. Всюду сыщут да покарают. Меня хилого и тебя могучего. Прими посему всё, что молвлю, аки долг пред державою, перед богом. Исполни с честью и славой. Послужи государю нашему, богу нашему и единому.

Замолк на миг мурза и продолжил:

– Коль не внял чего доселе, растолкую. Ведомо мне, что за каменьями Югорскими да Уральскими есть страна без края – Сибирское ханство великое. Много сказывал мне о нём мудрый человек, лама тибетский, даровавший шаль чудесную. Почитай, половину страны сей прошёл я в три лета до каменьев алтайских, саянских, байгальских. Поведаю после, коль велишь. Идти тебе надобно к государевым людям братьям Строгановым. Они укажут путь-дорогу. А там, как бог даст.

Снова замолк татарин. Звонящую зноем тишину нарушило далёкое, едва слышное урчание грома.

– Ты не первый христианин ступишь на землю сию, – молвил мурза. – Однакож суждена тебе богом и государем нашим особа честь – победить антихристову и идольскую власть и путь широкий на восход проторить. Русь святую продлить безмерно и величие бескрайним сделать. Суждено искупить тебе делом святым ересь братьев твоих жидовствующих, смуту новгородскую и псковскую сеявших. Сие и есть на тебе государев и божий промысл!

Внимали мы излияниям души и сердца мурзы. Странновато выглядит то, что Тимермурза, чистокровный татарин, проецирует право завоевания его родного Казанского ханства на все прочие территории к востоку от него. Ну, да бог с ним, не знаю которым, с нашим мурзой! Сознание человека загадочно и непредсказуемо.

Притомился мурза от речей своих. Помолчал с минуту, пот утирая. Глянул по сторонам. Знойное лето, хоть на выдохе, а жар к вечеру не спадал. Травы кругом пожухли. Воздух сухой и жгучий. Дождя давно не было. Всё живое истосковалось по влаге небесной. Даже Волга обмелела и обнажила сухие песчаные берега. Небо темнело, обещая скорою грозу в ночи грядущей.

– Коль желаешь, – продолжил мурза – могу поведать, коим путём добыл я шаль чудодейственную. Долгий будет сказ, да и ночь долга. Поведаю, дабы пуще убедить в истинной правде моей да в шали дивной чудодействии.

* * *

Смягчился суровый Ермак, хоть вида не подал. Строгость свою поумерил. Заговорил его мурза, обволок татарским обаянием. Сильно озадачил – как с ним поступить? И как самому быть? Какое принять решение?

Обуяли его сомнения. Если послушаться мурзу, поладить с царём, какая возможность появится убивать и грабить на просторах сибирских! Слышал он, что поморы и другие странники рассказывали о богатствах несметных и пушных изобилиях. Не чета этой Волге с купцами жадными и перекупщиками. Всё своими руками добыть можно.

Решил атаман слушать дальше. Иных дел не было. От своих казачков, кроме как про баб, взятых на прокат у соседей-кочевников, ничего путного не услышишь. Обрыдло всё это,

а мурза сулит ему новые горизонты. Пожалуй, обдумать надо, а там видно будет. Забурлила в нём и колумбова кровь...

Время шло к вечерней трапезе. Повёл мурзу подальше от любопытных глаз в свой богатый шатёр. Проникся неожиданным интересом к нему, ожидая нового сказа. Хоть незванный гость и татарин, но не часто такого встретишь. Слушать – не говорить. Можно стерпеть. И думать не мешает. А думать есть о чём...

Потчевал Ермак:

– Ты нынче нашему богу подвластен. Забудь заветы Корана. Кумыс в заводе не держим. Пей всласть, что бог послал – вино заморское. Вкушай вяленую кабанятину. Бог наш добрый, токмо насчёт жён поскупился. Да мы недостачу на воле наше казачьей восполняем, – хмыкнул Ермак и продолжил. – Давеча царёвы слуги полонённую басурманску княжну сплавляли в верха. Пограбил маленько и княжну приглядел. Довелось ей погостевать у меня вволю. Любы стали ей и казачки мои. По сию пору кочует по шалашам. Шалашовкой прозвали...

Икнул мурза, но смолчал. Потом, обрета дар речи, ответил:

– О скоромных яствах верно молвил, Ермак. Ныне я во христовой вере, не гнушаюсь запретным харамом. С раннего утра во рту крохи не держал.

И жадно принялся за еду.

* * *

Разбухший огненно-рыжий шар, теснимый розовой ватой облаков, отражался в темнеющей реке и клонился к горизонту. Он вот-вот зашипит, как горящая головня, брошенная в воду. По другую сторону небосвода уже грудились и темнели свинцовые тучи. С нарастающей силой налетали вихри жгучего ветра и нестерпимо горячего песка раскалённой приволжской степи. Суслики, что целыми днями стояли столбиками у своих норок, вдруг засуетились и попрятались в них.

Песок набивался в уши и скрипел на зубах потревоженных казаков, спешивших к своим убогим шатрам и шалашам. Добротный атаманский шатёр и тот дрожал от порывов ветра. Во внезапно наступившей в предчувствии разгула стихии звенящей тишине слегка погрохатывал ещё не близкий гром. Тёмное небо над степью озарялось всполохами далёких молний.

Первый настоящий гром прогремел за шатром Ермаковым. Ещё робкие, долгожданные струи небесные омыли его. Ермак с мурзой, помолвившись, перекусили, изысканной атаманской снедью, да винами заморскими из разных бурдюков. Удобно усьелись на мягком ковре, готовясь к долгому сказанию и слушанию.

Ветер стих. Дождь делался сильнее и гуще, пока не хлынул сплошным потоком. Он без разбора нещадно лупцевал по шатрам атаманов и убежищам прочих казаков. Громы и молнии крепчали и близились. Сотрясали всё вокруг и освещали на миг испуганную природу. А с нею перепуганных и беспомощных в своих жалких укрытиях казачков. Те лишь крестились и шептали молитвы, какие помнили. Сквозь шум дождя до атаманского шатра доносились испуганные вскрикивания «Господи помилуй!»

Мурза молчал и всем своим сжавшимся телом не выражал храбрости духа. При громких раскатах грома вздрагивал и бормотал: «Ай! Ай! Уймись шайтан треклятый! Сохрани бог!»

Ермак посмеивался, подливая в чарки крепкого вина.

– Гроза – милость божья. Казачки мои смелы токмо в кровавом бою, рубить и терзать твоего брата басурмана и прочих нехристей, однакож пред силой небесною лишь твари дрожащие.

Тем временем гроза усиливалась, а внутри шатра давешнее напряжение снизилось. Гроза будет грохотать и сверкает, покуда ей не надоест; успокоится и поползёт дальше. А пока продолжала пугать ермаковских казачков и прерывать мурзу на полуслове.

Глава 2

в которой татарский мурза правдиво рассказывает о своих приключениях в Сибири

* * *

Гроза разгулялась в полную силу. Частые всполохи молний сопровождались близкими раскатами грома. На мгновения освещали нутро шатра и дрожащий от грома ночной светильник. Вдруг, шум чуть стихающего ливня прервал особенно сильный и продолжительный раскат грома. Перед тем, почти в одно время, под светом небывало яркой молнии засветилось, заблестело шатровое убранство. Даже Ермак содрогнулся могучим телом, а мурза, распластавшись, плюхнул плоским лицом в мохнатый ковёр.

Так длилось не долго. Постепенно гроза умиралась. Молнии сверкали не так ярко, а гром делался тише. Это уже не мешало мурзе Тимеру начать свой неспешный рассказ, а лишь придало ему драматическую остроту.

Стихия природы вторила сильным сомнениям Ермака. Думай казак, решай! На карту поставлено много. Риски велики и соблазны не малые.

Мурза стал рассказывать Ермаку удивительную историю о своих странствиях и о поисках чудодейственной шали. Тот начинал слушать его с нескрываемым любопытством и живым интересом к неведомым ему местам. Но иногда взгляд упирался в одну точку на внутренней поверхности шатра, и он погружался в свои думы.

– Внемли, Ермачко, речам моим, коль аще сумления гложут.

И начал свой долгий рассказ:

«Как поминал доселе, добрался плывучем караваном до моря-Каспия. Одолею без штормовых невзгод и перебрался на караван верблюжий. Двинулся дале по проторенной большой «шёлковой дороге», аки прозывают сей путь.

Долго ли кратко – через раз, два, три..., кажись, дён десять пути – миновали аулы и кишлаки, грады малые и грады поболее. Кой-какие базары были. Помалу наш товар на заморский меняли. Стезёй пыльной и знойной, с торговлей попутной, меж других караванов – достигли, хошь не скоро, каменна града Самарканда. Стали большим привалом опочивать в караван-сараях.

Чуден град Самарканд! Ай, дивны в оном медресе да мечети!

Град сей зело велик, сплошь покрыт без окон да из глины избами, да заборами с ходами узкими. Где шире, там арыки вырыты, да зело вонючи. Дожди редки в сею пору, арыки помоями полнятся. Кабы не зловонность сия, не было б места краше. Базары богаты, было чем отовариться. Там и сям чайханы прохладные в местах мало-мальски тенистых. Торговали в сих краях и живым товаром – молодцами крепкими и девками красными. Девки да бабы вовсе нагие, чуть прикрытые по низ животов. Будь я в прежней вере, ладных баб себе бы набрал. Одна дивно красна была! Ай, ай! Очи черны, ланиты румяны, ягодицы белы! Коих купить надумали, щупали мужики в разных дивных да укромных местах... Да мы не по сей части были».

Любопытно стало Ермаку. Слушал, не прерывая.

Помолчал мурза недолго, вспоминая самые яркие, волнующие его мужскую душу и тело моменты. Даже суровый Ермак ухмыльнулся.

«...Покинули сей славный град. День за днём, вёрст по полсотни двигались по степям да пустыням, от одного оазиса к иному, покуда не достигли страны Кашгарии.

Путь лежал меж градами большими и малыми, дай бог памяти, да не упомянул прозвания. Племена в сих краях воинственны, враждуют меж собой, служат разным богам. Братья мои по крови, мусульмане, часто воюют с тибетскими да монгольскими буддистами, с иными идолам поклонниками. Проникли и христиане да кой-где закрепились.

В сей сумятице, случалось, доставалось и нашим караванам купеческим, да, хвала всевышнему – нам и прочим было чем оборониться. Сказывали, ране Кашгария де процветала и богатела, да войны религиозные, распри кровавые вскорости привели в упадок, коему и я был свидетель. Торговали мало, и мы не задержались.

На исходе третьего месяца перешли рубежи с Китай-страной и вошли в град Хами. Град обширный, да почитай сплошь тенистый сад – чудный оазис среди степей и пустынь. Под густою листвою ив плакучих, тополей, шелковичных и иных дивных деревьев – под зеленым шатром лепились мелкие домишки из сырого кирпича, в коих жизнь текла в покое и мире.

Люди, исконные, коих осталось не мало, там всё боле идолопоклонники и вещают особым языком. Землепашеством живы. Еды и питья изобилие. Хлеб торгуют странникам прохожим.

Сказывали иные купцы, правду ли нет – гостям чужеродным завсегда зело рады. Бабам де приказ дают исполнять желания и прихоти. Сами покинут их, якобы по делу, и дён два-три в избы не ходят. А гости, что пожелают, то и творят с бабами. Да бабы те красны и веселы, приохотились себя и гостей потешить. Самому спытать не довелось – не до сего было...»

– Ты про Сибирю сказывай, в кою путь мне сулишь.

– Погоди мало, сему свой срок, – сказал и продолжил рассказ.

«Тяжко захворали два мои человека – заразы кругом зело много и от жару зело множится. Целебные снадобья не пособляли. Караван возрос, да рук не довольно стало. Потребно подмогу искать. Прослышал о торговле рабами. Сыскал дом с живым товаром.

Купил не зело дорого раба пригожего. Бады-Сагааном звали, с севера из страны Тубы. Владетель рабов много просил, да я сторговался. Страна Туба бывшая ордынская. Орды многие лета не стало. Рабство не единожды отменяли. Да обычаи кое-где блюлись – больно велика охота сработать лёгкий куш, живым товаром торгуючи.

Посредством толмача сказывал Бады о сей стране. Вскорости он мало-помалу по-нашему кумекать стал.

Сказывал о богатом мягкой рухлядью крае – горностаи белоснежный, куница, рысь, соболь. Захаживал в оную страну и чудо-соболь, от ярко черного до золотистого цвета, коего кличут баргузинским с северного моря Байгал. Сказывал, мол, обитают в сих краях особы ламы с Тибета. Много мудростей и тайн ведают, да не всем открывают. Ему, охотнику дикому, не довелось изведать. И добавил: идти в сей край надобно на северо-восток из места, в коем мы теперича. Жилья де и в мале не встретишь, токмо кочевья и стойбища».

Загорелись глаза Ермака.

– Мягкой рухляди не малое число?

– И то верно – не малое.

«Меня, грешным делом, любопытство обуяло и мягкой рухлядью прельстило. Ночь вовсе очей не сомкнул, ворочался, думавши. Решил, по сему и быть и перекроить наново планы мои. Всякий предполагает, однако бог располагает».

– Сие и есть Сибиря? – спросил Ермак.
– Почитай, още далече станет.

* * *

На том прервался мурза ненадолго дух перевести. Дождь за шатром затих, лишь лёгкий шелест стекавших по шатру струй нарушал тишину шедшей к концу ночи. Тихо стало в лагере Ермака. Перепуганные грозой казаки – и те обрели предутренний покой. Лишь нарушали его богатырским храпом.

Ничто впредь не прерывало плавную, чуть нараспев, речь мурзы. Разомлел он от вина сладкого и кушанья жирного, но держался и продолжал:

«Поутру порушил караван. Большу часть с товарами заморскими, с здоровыми и хворыми провожатыми повернул взад. Велел идти тем же путём на Русь-матушку. Сам со товарищи дале путь держал. Оставил при себе пол дюжины самых верных и крепких человек с рабом, купленным, да с сыном моим, Киримом. Крепче вооружился добрыми ружьишками. Запасов съестных взяли не шибко много – муки мешок, соли да по мелочи – кормиться будем ловом дичи и рыбой. Водителем стал новый слуга – дорогу к отчизне он запечатлел, когда в рабство гнали. Прикупили коней, в пешей ходьбе правды нет.

Дале на восход пролегла страна Китай. Також к восходу, да ближе к северу – страна Монголия. За сей още к северу – неведома страна Туба. К оной надобно и путь держать. Помолились господу нашему Иисусу Христу да Аллаху – и в путь дальний.

Сперва шли степями пустынными с пожухшим к скорой осени разнотравьем. Наперёд уже зримей явились отроги гор Алтайских. Свежей травы коням мало. Вскорости вступили в среднегорье. Воздух делался свежее, трава зеленее».

Мурза встрепенулся, словно стряхивая с себя такой желанный, но недоступный сон. От вина крепкого, вкусного и вольного, разомлел малость.

– Пошто жмёшься, мурза? Выдь наружу, слей напругу – полегчает.

Протёр тот ладонью глаза, вышел по спешной нужде, глотнул свежего от прошедшей грозы воздуха, вернулся и продолжил:

«Идти до страны Тубы потребно, почитай, тыщу вёрст, путями промеж гор да тропами.

Дня два шли плоскими долинами с болотами и озёрами. Много в сих краях ведомых зверей: лисы, волки, косули, козы дикие, зайцы. Охотничали не мало – Бады умельцем великим проявился.

Вошли в невысок хребет – отроги алтайского камня. Дён пару дюжин шли. Своротили к восходу и вышли к великой гряде каменной. Пересекли оную, идучи к северу, и открылись дали дальние страны Тубы.

Ух! Дивна даль сия!»

* * *

Затих мурза, вспомнив минувшие долгие странствия и предстоящие, не менее долгие. Но продолжал:

«Воспрянул водитель наш. Почуял отчизну, по коей долго тосковал. Дошли вскорости до речки Чаа-Холь, впадавшую в реку, зело велику – Улуг-Хем¹. Стали на большой привал.

Осень в разгар вошла. Степи вовсе пожелтели, травы увяли, ночными морозцами тронуты. За Улуг-Хемом даль широкая гор Саянских. Вершины, дальние и ближние, вовсе побелели, оснежились.

¹ Улуг-Хем. Верхнее течение реки Енисей южнее Саянских гор.

Да дела наши сами обернулись и сладились. Вовсе близ от постоя оказался вертеп невелик, дира в камени, при коей обитали ламы тибетские. В вертепе зело малый молельный храм буддистский. По обе стороны от входа выбиты два каменных болвана мужеска полу, стоящие при саблех. За оными иные болваны, стоячие и сидячие. Молельный барабан и древние письмена в коробах...»

– Да где ж твоя Сибирия? – не выдержал Ермак. – Доколе ждать?

– Не гневися атаман. На ейном южном рубеже оказались.

Строгий читатель в праве усомниться в правдивости занятных рассказах мурзы. Что он обо всём напридумывал? Трудно сказать – так ли это. Однако можно возразить. Эту пещеру мы ещё увидим лет через сто, даже больше. Тогда сможем разглядеть её подробнее и узнаем, что станет с ней.

* * *

«Бады свёл нас с ламами, коих было числом двое. На наречии евойном втолковал, кои мы и пошто сюда явились. Уверовав в намеренья наши добрые, прониклись ламы доверием.

Поведали нам, де по Урянхаю – так сей край още кличут – и степной Тубе буддийские монастыри ныне строят не малым числом. Уйдут рано ли поздно в сии храмы они, ибо в их краях тревожно стало. Чаа-хольская пещера-вертеп буде не потребна им. Дале поведал лама иную историю.

Ламы по-нашему не вещали. Их речения нам водитель толковал. Сказываю, как упомянул:

«Были с нами още двое лам, один – наипервейший и наимудрейший. Такую силу мы не имаем. Проведал оный, де в дальней стране Бурятии стал насаждаться буддизм тибетский, да с немалыми препонами. Крепко в Бурятии шаманство дикое и зело противилось новой вере. Кличут сих шаманов шайтанщиками. Порешил главный лама великий подвиг свершить для скрепления истинной веры в северной стране. Отправился с иным ламой в путь неблизкий, в страну дальнюю. Бог в оном подвиге подмогой стал. Путь держали на север Бурятии, в коей правило шаманство. К священной шаманской горе Асектамур – по ихнему чёрной, чёртовой горе – возле коей намерились поставить монастырь праведный. Сбирал он в дальний путь реликвии – опоры нашей святости.

Худо стало без оногo. Нынче по сим местам всё боле разного люда, враждуют меж собой, да и нам тревожно сделалось. Почтения к нашей вере не стало. Не ровен час, погонят отсель. Ныне реже и с большими тяготами доходят до нас иные молодые ламы, на подмогу и смену нам, старым и дряхлым. Не ведаю, долго ли усидим, веру нашу хранить сумеючи».

Много вещал лама о тяготах своих.

Открылся и я ламам, де сами мы из страны великой да дальней. Радеем душой и сердцем о многих бедах и невзгодах неправедных, царящих в оной. Зело уповаем на подмогу лам святых в избавлении от горестей. Готовы на подвиги и тяготы. Слезно молил ламу о милости великой – пособить сему да указать путь в страну дальнюю, в кою лама их, наипервейший и наимудрейший, свой путь направил, дабы и он пособил нам, чем сумеет».

Ай да мурза! Не забывал о нуждах матушки России. Оказался настоящим патриотом. Не на словах, не по месту рождения и жительства. Не одними словами, но делами насаждать и взращивать патриотизм. Не в дурмане «патриотическом», а в трезвом сознании. Но правильное сказать – патриот Московии в границах Великой Тартарии². Змечтательные прожекты масштаба Владимира Жириновского³!

² Тартария. На старинных картах - территория от европейских стран до Тихого океана.

«Посоветовались ламы меж собой, поразмыслили и поведали нам: «Ламы оные ушли далече. Кой-какие направления укажем. Идти надобно долблёнками супротив течения. В скорости на Улуг-Хеме зело большой порог, но проходимый по высокой воде у берега. А дале по большему истоку Улуг-Хема – Бий-Хему и реке Канзаре тяжких порогов не будет, окромя водопада великого. Аки ламы шли далее, не ведаем. Путь держать надобно к северу, к перевалам саянским и рекам за оными, а дале к Байгал-морю и святой горе Асектамур. Путь неблизкий и тяжкий, однако к зиме грядущей, опосля сей, верно, достигните. Ежели сумеете, наипервейший лама вам пособит».

Замолк лама да зело обнадёжил. Решено быть по сему.

Дело к зиме шло. Зимы в краях сих дюже лютые. Но деваться некуда. Надобно к зиме обустроиться. Отдали местным пастухам коней. Турбинец Бады пособил привлечь на подмогу соплеменников. Леса доброго близ не водилось. Стали добывать топляк на постройку зимовья. Сгодились тополя и прибрежный ольшаник, сушняк к костру и очагу. Утеплили немудрёный сруб и крышу сухой травой, очаг сложили из камней и глины. Наловили поболее тайменя и хариуса, засолили, накоптили. Пастухи пособили вяленным мясом, диким луком и прочими яствами, тёплой одеждой и сапогами добрыми на меху. Обещали к весне изготовить у родичей в тайге лодки-долблёнки. Лёгкие да по мелководью зело ходкие в грядущем пути по саянским и иным рекам. У оных же добыли за зиму, сколь смогли, пушнины нашему купеческому каравану. Опосля дали нам иного водителя и толмача, родом с Бурятии. Он давно чаял вертаться в отечество...»

– Да много ли дали мягкой рухляди? – перебил Ермак рассказчика. – Сказывал, дивны меха сии.

– Ах! Токмо начали мы собирать сию благодать. Будет зело много по всей Сибири. Ай, дивна сия! Ах! Ах! Нынче чёлн наш оной полнится.

Удивился Ермак и о чём-то задумался, почти не слушая татарина.

* * *

«В хлопотах и заботах минули конец осени и начало зимы. До весны недалече стало. Дождались большой воды и начали путь, аки указал лама. Бичевой миновали велик порог на Бий-Хеме. Свернули по леву руку в Канзару-реку.

Сия Канзара широка да зело дивна в изумруде лесных берегов с горными далями! Течение не шибко трудное для хода долблёнок. Перемежалась широкими и долгими плёсами. Порожки редки и не велики. Горные брега по малу сходились. Путь не тяжкий, покуда не явился нам водопад. Зело широкий да высотой в пять саженей. Надобно стало тянуть лодки берегом и плыть дале до великих горных озёр. Под водопадом хариуса наловили и накоптили немеряно.

Уф! Красот сих зреть ране не доводилось, да самые дива ждали вскорости».

Замолк мурза ненадолго. Погрузился в приятные воспоминания, устав от долгого своего рассказа. Притомился, видимо, и Ермак-богатырь, в ночи бессонной мурзу слушая, но вида не подал. Интерес к странам неведомым и приключениям мурзы у него не иссяк, а лишь усилился. Особенно, о дивной пушнине думая.

Наверное, притомился и ты, дорогой читатель. Дай бог тебе терпения, как хватало его Ермаку.

³ Владимир Жириновский. Российский политик, призывавший русских солдат «омыть сапоги» в Индийском океане.

Остатки дождя ещё висели в светлеющей ночи. Сквозь неплотные стыки шатра стал проникать робкий и зыбкий свет грядущего утра. Проникали и свежие струи воздуха, промытого грозой и прохладой ночи. С щебетанием просыпалось степное птичье племя, ожившее после долгих знойных дней.

Рассказ мурзы предстоял ещё долгий со многими приключениями на его длинном пути. Вдохнув глубоко, он продолжил:

«Озёра, горные и немалые, не заставили долго ждать. Вошли в первое –Дотот. Плыли озером с дивными видами на горы высокие да лесистые. Стали постоем на светлом мысу при впадении Дотот-реки.

Проводали по оной путь дале до зело великого водопада, саженой в десять, за коем тянулся на две версты глубоко ущелье с крутыми стенами над ревущей водою. Абау! Диводивное!

За сим ущельем и вовсе чудный водопад о трёх могучих струях, саженой в двадцать ростом. И-и-и! Охо!Шап!»

Снова помолчал мурза, окунувшись в яркие воспоминания и набирая силы для дальнейшего рассказа.

* * *

«Передохнув день да сил набравши, пошли в тяжкий путь. Опосля долгих обносов водопадов учинили днёвку для роздыха. Дале великих препон не было. Пороги и шиверы, немногим числом, шли бичевой либо обносами не шибко великими.

Вёрст сорок, а то и боле плыли до горного перевала. По перевалу шли озерцами, ручьями мелкими, мхами и болотами. Волок долгий и тяжкий вели. Путь на полярну-звезду держали. После перевала шли речками, мелкими да шиверистыми.

Спускались Кадрос-рекой. Из Кадроса вышли в Кара-Бурень –приток большой Уды-реки. Всё бы славно идти течением, да с товарищем нашим велика беда стряслась. Шайтан попутал плыть большей струёй. Выпал он из долблёнки на коварном пороге. Утянуло в стремнины. Не сыскали. Осталось нас шесть душ, со мною и с сыном моим Киримом.

Из реки Уды вошли в иную реку Селенгу. Отсель путь, не близкий и не скорый к Байгал-морю. Явились в страну Бурятию. Люди в оной больше мирные. Встречали без вражды, и мы помалу вели дела купеческие.

Не шибко скоро, однако вошли в Байгал. Брега по сей стороне не горные, да простор от оных без края. На Байгал-море о ламах слышаны. Северную сторону моря, по кой селились боле тунгусы, прозывали «ламой». Сие боле уверило нас в пути верном. Тунгусы да буряты и дале путь указывали».

* * *

«Лето к исходу шло. Ласкало днями тёплыми и видами Байгал-моря прелестными. Плыли к северу. Брега стали быть круче, лесистее. У Баргузин-реки пожили. С охотчими людьми торг наладили. Соболей баргузинских, зело дивных, сторговали немерено...»

При последних словах заволновался Ермак, но вида не подал.

«Отсель велено плыть дале к северу. После Верхней Анги-реки велено сыскать устье реки иной, поменьше, коя зело студёная. Вверх по оной путь держать. Великого старого шамана и новых лам здесь все ведают.

Шли от северной макушки Байгала по реке, кою звали по-ихнему «Студёной». В западну сторону долго путь держали. Отодвинулись от Байгала. Река пошла густою хвойной тайгой.

Шли вверх по реке долго, дён с дюжину. Боле бичевой да волоком. Добрались до указанного тунгусами и бурятами места. Дале надоть было пешим ходом и волоком некрутым вверх идти, покуда не явилось взорам дивно озеро, аки зеркало ясное в изумрудной горной стране. За высоким таёжным склоном, узрели мы высокоу шаман-гору, долго жданный Асектамур.

Буряты, охотчие да кочевые, указали путь, коим идти к подножью горы. Сперва озёрной водой, а опосля вытекающей речкой до знакового места с пологой дорогой к горе.

Передохнули дён два у озера – зело притомились по перекатам студёной реки да волоку к озеру. Цель близка была – пустились в путь к заветной горе Асектамур. Плыли по узкой речке. Брега стали болотными да равнинными. Гора-призрак являлась то с одной, то с иной стороны, держа нас в объятиях крепких.

Доплыли до указанного места, коего не заметить не можно было. Близ утоптанной дороги – невысоки камни курганчики. Прозывали их «обо». Идучи к святым местам, паломники оставляли каменный вклад на сим месте в честь духов, сберегавших стойбища и улусы. Так оные курганы взросли.

Долблёнки с лишним грузом пристроили под пригляд бурятского стойбища. Пешими налегке направились к ламам. Дорога была не долгой. Наступала осень, да в подгорье высоком – весна. Прошедши нижнюю тайгу и стланик кедровый, ступили на луга дивные, ярко зелены с разноцветьем пёстрым и малыми озерцами лазуревыми. Охо!Шап! Асектамур-гора совсем рядом явилась, сокрыв собою солнце вечернее...»

* * *

Встрепенулся Ермак. Скинул подступавшую дрёму:

– Доколе внимать, кои препоны да реки-горы велики и малы одолевал? Дождусь ли проशलшь чудодейственную? Да про то, аки идти мне след за Урал-камень?

– Ужо, ужо, Ермак. Дай срок. Ныне проведаешь.

«Зело велика и крута Асектамур-гора. По оной водопады мелкие струились. В гроте глубокоу узрели монастырь новый. Не шибко велик, не яркок, да красен узорами и резьбою затейливой, доселе не виданной. При входе барабан молильный, крутя кой, всяк паломник молился по-ихнему. Недалече юрта шамана виднелась.

Навстречу гостям вышли два ламы. Один в годах преклонных, иной моложе. Одеты в темно-червонные пелерины китайской парчи, без рукавов. Поверх светлые, широкие шали, с концами за спину. Встретили приветливо. Видать, слух дошёл тайгой окрестной о приближении нашем. Разместили для роздыха в приделе монастырском. До утра тревожить не стали.

Попутру накормили нас, чем ихний бог послал. Яства не зело затейливые, однако сытные. Всё боле из злаков, семена коих и овощей с собой из тубинских степей взяли. Горный лук и грибы не приняты у оных, да особо привередничать не можно было. Молоко, кое паломники из близких улусов приносили и мясного кой-чего. Сами не промышляли по вере их. Рыбалили мало, да рыбу боле от паломников едали. Буряты и тунгусы многажды навещали. У лам лечебных снадобий зело много, от хворей спасали. Шаману доверия меньше стало.

Однаво довелось на шамановы дела глянуть. Камланьем зовутся. Дозволь, Ермак, вкратце о сем поведать.

Чуть не каждый вечер с уходом солнца слышали и видели недалече огня мелькание, гласы и шумы. Думали, не иначе шайтан балует. Забывать стал о своей христианской вере. «Кит, Шайтан! Аллах ярдём бирсен!» Изыди шайтан! Помоги Аллах!

Втолковали мне, что сие гуляние у шатра шамана. Во един раз к ночи подкрался к шатру, из коего ярк свет шёл. Нашедши щель в шатре, взирать стал на диво дивное. Небогату утварь озарял очага костер. Супротив входа – велик бубен. По обе стороны висели малые идолы в лохматой одежде. Поодаль – колотушка. Шапка шамана обшита червоным тканием и пташьими перьями. На ткании вышит человеческий лик с очами, носом, устами и ушами. Кафтан украшен человечесьм же скелетом и червоным тканием. На плечех – пташьи перья. Пришиты тако же шкуры белки, колонка, утиные, да образы змий с отворёнными червоными устами.

Когда извне вовсе полегла тьма, начал шаман камлание. Прижамши бубен, сел на пол хребтом к очагу, затворив очи да не громко и не спешно спеваючи. Опосля растолковал наш водитель и толмач – призывал духов пособников. Всё шибче вдаря в бубен, сзывал он зверей и птах, громогласно воскричал и каркал по вороньему. Увещевал духов злых. Прикрывался бубном, аки щитом, и гоняючи за оными. Закликал пособников, дабы пришли с подмогою. Очи держал затворёнными.

Настигнул злого духа и, топтаючи, одержал перемогу над оным.

Однако, не доглядел исхода камлания. Узрели меня шамановы человеки. Вертался по скорому в ламский монастырь».

* * *

Мурза продолжил рассказ:

«Вскорости поведал ламам, кои мы и отколь, и о бедах наших. Поведал, аки Русь наша погрязла в распрях и в жертвах великих, жестоких и немилосердных. Царь наш де шибко лютый. Пришли, мол, за советом и подмогой в делах праведных. На кои вся надежа наша.

Ламы, зело сочувствуя, внимали речам моим. Опосля сказа моего, сулили ламы благословить нас на дела богоугодные и молиться за нас по-своему. Вручили нам тонкие, шелковы шали, кои дарят токмо зело почетным гостям. Однако про волшебну шаль ламы не сказывали...»

– А коим же разом ты шаль чудодейственную добыл? – Прервал Ермак мурзу. – Поди, она ламам самим потребна.

– Не было бы счастья, да беда пособила. Слушай дале.

«Зимовать ламы у них велели. Потребным хозяйством и подмогой обеспечили. Поживать стали семьёй единой в ладу с ними до исхода зимних стуж. Однако внезапно беда грянула, отколь не ждали.

Младшего из лам задрал шатун-медведь, покуда тот за дровами ходил. Коварный ли шаман накликал – бог весть. Коли где по зиме голодный шатун объявился, сберечься не можно – хитёр и коварен.

Погоревали мы со старшим ламой, да жить дале надобно. Пособлять старику боле стали, особливо сын мой Кирил – жалостным и заботливым взрастил его, и к делам ламским любопытство имел.

Вскорь лама поведал с грустью великой, трепеща всем телом, о нуждах своих:

– Зело стар стал, не совладать единым. Шаман треклятый одолеет. Подмоги ниотколь нет. Уйдёшь ты, мурза, со товарищи, помирать стану, дело святое и правое оставить не на кого.

Очи у ламы заблестели, да слёз не было.

Приздумался я, не знамо коим образом пособить благодетелю нашему. Да тут мой Кирим встрял:

– Дозволь, отче, остаться. Дела праведным пособлять стану. Вера сия шибко любя мне.

Проступили слёзы у меня, да возразить не решился. Не чаял посеять и малой толики добра, сколь возшло в чаде моём. Благословил его и грусть свою отеческую смирил. Знать, богам, уж не ведаю коим, эдак угодно. Стал Кирим още боле ламе помогать и ученью ламскому внимать...»

Очень трогательно! Навсегда с сыном расстаться, возможно, единственным – не многие на такое способны. Не знаю, как у татар, а мне, русскому, этого не понять.

* * *

«Путь до изб наших, о коих уже давно чаяли, надлежал быть зело дальним. С осени и зимой долгой собираться стали. Припаса в путь наготовили. К концу грядущего лета надо бы до своих добраться. Зимовать вдругорядь в тайге мочи не было. Посему решено было идти поране. К долблёнкам полозья приладили, себе лыжи снарядили и снегоступы. Груза не много было, почитай токмо мягкая рухлядь, натоваренная, и иного по мелочи. За зиму мясца наготовили, рыбы с осени наловили. Лама тож припасом пособил...»

– Об шали, об шали вещай! Доколе ждать! – воскликнул недовольный Ермак.

Давай, мурза, покороче, ближе к делу! Такой долгий рассказ утомит любого, не только Ермака.

«Аки прощаться стали, лама в благодарности за сына и дела наши праведные вынес шаль, на диво пригожую, цвета киноварь с кистями белыми и с цветами лиловыми яркими. Шаль, кою ты, Ермак, при мне давеча видел. Поведал о чудесах её дивных. Молвил: «Дело свое мы наладили, с божьей помощью да с сыном твоим. Тебе, мурза, нужнее станет. Страну твою страдальную от многих невзгод спасёт». По-своему благословил в путь дальний и ушёл молча с Киримом в келью.

Вышли с Асектамура в начале марта, покуда морозы держались. Где по снегу, где по льду тянули долблёнки. Обрато надобно было изнова идти по Байгалу. Решили короче путь держать, идти иным берегом, нежели шли ране.

По льду байгальскому, на диво гладкому, долблёнки тянули, аки по маслу. Миновали велик остров Ольхон. Брега таёжные стали выше и круче. К апрелю пришли к месту выпада из Байгала Анга-реки. Шли сперва льдом и торосами, а после по большой воде, меж льда, плывущего вниз течением. Шибко шли, вёрст по сто на день. Поспешали, сколь мочи было. Минули обносом большой и крутой порог – Падунум прозвали – дале особых препон не было.

Вошли в велику реку – Енэсий. Скорым течением дошли до притока Кас. Надоть было путь к западу держать. Дале тяжелее шли, супротив хода воды. В трудах тяжких да в поту праведном добрались до ручьёв, с перевала текших. Дотянули лодки до озёр верховых, из коих спускались речками малыми и поболее в сторону великой Оби-реки. Однако, вёрст с полсотни надоть было плыть протоками и перекатами мелкими. Поспешали, сколь могли, да не всё гладко вышло...»

* * *

Дождь в стане Ермака давно кончился, исчерпав последние тучи небесные. Свежий волжский ветерок развеял их остатки. Птичье племя защебетало громче и нахальнее. Солнце, большое и алое, словно нехотя после долгого сна, выползло над широкой степью. Озаряло всё ярче начало нового дня, прозрачного и свежего, полного радужных надежд и сомнений.

Рассказ мурзы близился к концу. Сонливость прошла. Продолжал уже твёрдым голосом: «Худо-бедно добрались до болот приобских. Осталось токмо дойти до Югорских гор, а там, почитай, уже Русь. Да не просто было. Нынче Кучум расширил своё царствие. Хошь незряч он, да руки долгие. Шли потаённо, поспешая течением вниз по Оби-реке. Поболе ночью, благо помех на реке меньше. Да не убереглись от подвластных Кучуму человеков. Товарища нашего вражья стрела сразила. Кровью истёк, пришлось схоронить по скорому.

Боле тыщи вёрст Обью сплавлялись, покуда не достигли поселений, в коих поморы издавна жили. Указали неблизкий путь по притокам Оби к Югорским горам, пособили, чем могли.

Лето в разгаре, да до Камы реки надоть вёрст пятьсот одолеть. Поспешали, сколь мочи было, сперва до перевала Югорского, а дале истоками камскими. Пособляли югорцы тамошние за невеликую часть даров купеческих. Где человечесьей силою, где оленей в долблёнки впрягали. На большой камской воде долблёнки на чёлн поменяли и к тебе, Ермак, на Волгу добрались».

* * *

– Вот и весь мой сказ. Узрел ты, в кои края дивные да бескрайние идти надоть? Коль решишь, осилишь с божьей помощью. Далече дойдёшь, близко ли – не ведаю. На всё воля божья. Но путь матушке-Руси проторишь. Долг сей перед нею исполнишь. И шаль пушай в руках государевых тебе в подмогу станет.

Не сразу ответил Ермак в раздумьях своих:

– Сказывай мурза, аки на духу, кою корысть имеешь меня за Урал-камень спровадить? Не шибко верую в иное хотенье, окромя корысти твоей басурманской. Благими намереньями многих дел не сладишь. Врать станешь – погоню прочь и обухом сабли исполосую.

– Христом богом клянусь, Ермачко! Об расейской державе пекусь, – потупив глаза, бормотал мурза. – Но коли жаждешь об ином проведать, блядословить не стану. Токмо преж ответствуй и мне честь по чести. Пошто теснишь да терзаешь крымчакских купцов? Сказывали мне, ни единого не пропустишь мимо стана казацкого. Добром ихним, аки своим пользуешь. Словно не едина ваша кровь иудейская.

Крякнул Ермак, но коли такой разговор пошёл – правдой за правду – пришлось отвечать.

– Ведаешь ли мурза, что жида-крымчаки почитали себя истинными иудеями в Тавриде. Не поладили с генуэзскими евреями и шибко теснили. Особливо коих прозывали католическими выкрестами, променявшими иудейство на веру Христову, аки отче мой Тимоти Коломбо.

Посему и ушёл с Тавриды. А боле тебе знать негоже. И всяки домислия оставь. Настал твой черед ответ держать, хитрожопый! – грозно зарычал Ермак. – Сказывай покуда цел!

Заёрзал мурза, но деваться некуда:

– Твоя правда Ермачка. Без хитрости и мир не в радость. Теперича без корысти токмо чёрствый хлеб без соли жевать станешь. Помнится, в прошлом лете, когда путь держал в края дальние, шибко жалились на тебя проезжие крымчаки. Щедрь дары сулили, коли пособлю усмирить тебя, а ещё пуше – спровадить с Волги-реки. Обещать не смел, да зело обильны дары сулили. Грешным делом, не посмел отказ дать, коли в силах моих станет.

Тепереча ты всё ведаешь, – закончил своё признание мурза и добавил, – сам порешай. Воля твоя. Попомни слово моё, Ермачка. Вскорости потеснят отсель вольных казаков царёвы слуги...

Это предсказание Мурзы сбудется и явится одной из причин ухода Ермака с Волги на Урал. В августе 1577 года отряд Ермака под угрозой пришествия царских войск покинет Волгу.

Призадумался Ермак. Терпел он долгие сказки татарина, но терзали иные мысли. Не шли из головы откровения мурзы о его, Ермаке, прошлом и тайне происхождения. Что, если получат они огласку? Какие напасти обрушатся на него? Как быть со всем этим тяжким грузом?

Убить безоружного и любезного с ним татарина? И концы в Волгу! Забрать чёлн, полный мягкой рухлядью? Было много свидетелей. Пойдут разные подозрения и пересуды. Хитрый мурза мог это предвидеть, доверить страшную тайну ещё кому, на случай его гибели. Тайна раскроется и обернётся для Ермака самым нежелательным образом. Вдруг, его сказка про шаль не бредовый вымысел, и она бережёт татарина? Что тогда станет с самим Ермаком?

Нет! Лучше поступить иначе. Взять с татарина смертную клятву молчания. Внять его советам. Сделать своим союзником и заступником перед грозным царём. Это может очень пригодиться – тот на Ермака давно зуб точит и только ждёт момента для суровой расправы.

Не определился Ермак окончательно, но решил пока не перечить мурзе. Не повредит:

– Тернистый путь сулишь для меня татарин. Да коли богу угодно, противничать мне грешному не след. Дозволь напоследок к челу приложить волшбу шаль. Бог весть, пожалуй, и мне, рабу божьему, не во вред станет.

Приложился Ермак к шали, а на прощанье добавил:

– Да сумей донести до царя, что Ермак ему верный соратник и радатель великих деяний его державных. Извести государя: Ермак, вольный казак, послужит ему, сколь сил хватит и бог даст. Товары заморские оставь восвояси и шаль государю доставь. Плыви с богом нашим единым – с моим и твоим, с государевым, да хошь с папским, хошь с ламским!

Но внезапно поменялся в лице и процедил сквозь зубы:

– Сказки сие обо мне, в зеве держи! Проведаю, что балабол разносишь – на краю света сыщу, не помилю, живота нещадно лишу!

На том они и расстались. Мурза исполнил наказ Ермака. О его истинном происхождении от мурзы никто не узнал, и оно до сих пор осталось загадкой.

* * *

Отпустил Ермак мурзу со свитой, всем скарбом и дарами сибирскими. Охранную грамотку черкнул, чтоб другим казакам-разбойничкам и просто лихим людишкам не повадно было обижать купца, пока тот до Москвы доберется. Знают Ермака далеко вокруг и ослушаться не посмеют.

Отпустил, да призадумался. Было о чём думку думать. Сильно озадачил его татарин. Хоть дал казак ему согласие, но сомнения не оставили – дело-то не простое. Обещать легко было, а решиться не просто.

«Хитер царь Иоанн, – думал атаман, – заманит в петлю и головушку сорвет. Простит ли долгие казацкие шалости, лихие вольности и расправы с царевыми и прочими человеками? Корни прознает чужеродные. Простит ли, когда пики ливонские жалят воинство православное глубже и больнее?»

Предвидел Ермак, что на этом пути ждут многие невзгоды. И буйну-голову сложить немудрено. Уж очень не хотел он потакать царю и его прихвостням. Но забурила в нём кровь предка его, Колумба...

Соблазн велик – пограбить для царя богатства сибирского и себя не обидеть. Склонялся Ермак в эту сторону. Братва только рада будет, засиделась на волжском берегу. На волю воровскую вырваться да разгуляться на просторе!

Глава 3

из которой мы узнаем о некоторых событиях и многих чудесах, происходивших с Ермаком в Сибири

* * *

Главные герои этого романа и события, происходящие с ними, появятся и произойдут спустя полвека. Но уж коли мы упорно нацелились на Сибирь, хочется к ней поскорей приблизиться. Начинать заходить на её территорию не только по сбивчивым рассказам мурзы.

Придётся немного коснуться самого первого крупного и организованного вторжения русских на сибирскую землю, возглавляемого Ермаком.

Чтобы у читателя не возникло ложных ощущений, следует прояснить, кем на самом деле оказался Ермак в истории России.

Вызывают жаркие споры историков не только происхождение Ермака, но и многие события его походов. Их даты и число участников в разных источниках сильно колеблются. Как ни старайся, точно установить уже невозможно. Оставим это неблагодарное занятие неутомимым историкам. Тот случай, когда «верить никому нельзя».

Традиционно коренные народы Сибири были дружелюбно настроены к России. Любовью это не назовёшь. Точнее – покорность перед сильным соседом. Лишь после завоевания западной Сибири узбекским ханом Кучумом, ставшим ханом сибирским, отношения изменились. Ермаку пришлось Сибирь «освобождать». Но освобождением это назвать трудно. На смену одной власти приходила другая. Зарождалась Российская Империя! Началась классическая колонизация, освобождение Сибири от самой себя.

Существовала «научная» точка зрения, что историческими событиями и жизнью человека руководит *щастие*, божий промысел. Делай, что следует, и будь, что будет.

Удача, безусловно, помогала россиянам в их движении за Урал. Почти все их дела *щастливо происходили*. Победы и неудачи Ермака, его трагическая гибель – результаты качеств его характера, а также изменчивых поворотов судьбы. При сомнительных свойствах такой идеологии, в описаниях похода Ермака не стоит его пренебрегать. Народ по ту пору был глубоко верующий, хорошо сведущий в делах небесных. Он не давал соврать о многих чудесах и знамениях, сопровождавших похождения Ермака.

* * *

Во время первого похода на Уральский камень Ермак построил острожек и часовню при нём. С ним было три священника. Молитвами Ермак надеялся заслужить милость божью для себя и своего дела. Перед каждым боем казаки молились и вспоминали своих предков. «Богу

молиться, вперёд пригодится. С богом пойдёшь – до блага дойдёшь». Убивать врагов и пограбить – благо не малое.

Ермаком соблюдались все посты и христианские правила, а, по возможности – очень редкой возможности – и соответствующая мораль.

Следили за тем, чтобы никто блудом или другими греховными делами не навлекал гнева божьего. Положено было наказание за неповиновение начальникам и за побег. На преступников, приговоренных к смертной казни, надевали мешок, наполненный песком с камнями, и топили в реке. За нетяжкие преступления насыпали песку в одежду и сажали надолго в воду. Больше 20 человек, которые хотели бежать обратно в Россию, были казнены. Но грабеж не считался преступлением и не наказывался.

Ермак был жестоким атаманом не только по отношению к завоеванным народам, но и к своим дружинникам. Кому верить, как не историку Николаю Карамзину: *«Таинственная и мрачная личность, одним своим именем внушавшая ужас, был человеком без роду и племени. Ни один народ не может нести за него какой-либо нравственной ответственности».*

Есть мнение обрусевшего немца Герхарда Миллера, который не раз ещё встретится на страницах нашего романа: *«Ермак грабеж и разбой, чинимый от людей своих в Сибири, не почитал за прегрешение».*

Наш Толстой Лев Николаевич не станет врать: *«К Успенью пришли к Строганову казаки – человек 600 с атаманом Ермаком. Напустил их сначала Строганов на ближних татар. Казаки их побили. Потом, когда нечего было делать, стали казаки по округе ходить и грабить. Строганов говорит Ермаку: «Идите за Урал воевать с Кучумом, завладейте его землею. Вас и царь наградит».*

Начав жизненный путь с грабежа, атаман Ермак превратился в государева палача.

Жестокий век – жестокие нравы! Казаки-разбойники с Волги не могли, как по волшебству, стать носителями добродетели и справедливости. Не ангелоподобные казаки превратились бы в бесполох евнухов при захвате и грабеже населённых мест с жёнами и детьми противника. На бога и воинскую дисциплину почти не оглядывались.

Ермак не покорил Сибирь, даже не победил Кучума, но значительно его ослабил. Не он первый открыл для России Сибирь. Но именно он проторил дорогу к относительно густонаселённой части Западной Сибири, дорогу к её богатствам. А брали богатства безудержна не только себе – царскую казну тоже не обижали.

* * *

Поход Ермака в Сибирь начался зимовкой на уральском перевале. С ним было, с учётом примкнувших людей братьев Строгановых и других «вольных людей», около трёх тысяч человек. Весной численность отряда сократилась почти вдвое (ранения, болезни и смертность, уход части казаков назад).

Казаки, как правило, передвигались на стругах. Это были вместительные лодки с веслами и парусом, на которых размещалось до 30 человек, а также припасы и вооружение.

С учетом того, что у татар не было огнестрельного оружия, казаки сооружали деревянные щиты, которые напоминали пролеты забора с бойницами. С передовых стругов на берег высаживался отряд со щитами, из которых выстраивалась защитная стена. Пушкари вели прицельную стрельбу по неприятелю, оказывая огневую поддержку десанту.

Отряд атамана пересёк Уральские горы и стал двигаться на юго-восток по реке Тура. От устья реки Тагилбоевых столкновений у русских не было.

Первая серьёзная стычка казаков с [сибирскими татарами](#) произошла весной в юртах [Епанчиных](#) – владениях местного мурзы Епанчи. Тот, повелевая многими татарами, встретил пришельцев тучею стрел, но бежал. Ермак при помощи [пищалей](#) и пушек разогнал [конницу](#) Епанчи и приказал разграбить юрты «и по разграблении оных всё велел обратить в пепел».

Обратим наше жалостливое внимание, что в первом же крупном сражении Ермак не ограничился просто победой. Он жестоко разграбил и сжёг дотла всё поселение и, видимо, подверг другим насилиям семьи побеждённых татар. Это не могло не ожесточить татарское население против нашествия русских.

За два следующих месяца было много вооружённых стычек, хотя о них в летописях ничего не сказано. Но мы-то знаем из достоверных источников, что случилось здесь не мало прелюбопытного и даже весьма удивительного и душещипательного...

* * *

Задолго до прихода Ермака *во вся лет* татары наблюдали *чудо дивное*. На месте будущего Тобольска, поблизости от столицы Кучума, виделся им большой и чудесный город, с церквями и колокольнями, звоном колоколов. Наблюдая это, многие «ужасно недоумевая, что будет сие».

Поход Ермака начался и продолжался целой серией удивительных событий и чудес. По мнению современников, участников и свидетелей сибирских походов, Ермак обладал сверхъестественными способностями: мог повелевать духами или «шишигами» (чертями), используя их там, где не хватало воинов.

Покровитель казаков святитель Николай часто являлся им до и во время сражений, ободряя воинов.

Однажды «*видеша бусурманы вси*», как в воздухе над казаками «*летаще на крылех, яко по брегу тому на облацех*» двигался в великом сиянии некий царь, «*велии и прекраснии*». Он, «*гоним невидимою Божию силою*», держал в руке обнажённый меч, которым грозил татарам, а «*стреляющим в Него, таковым руки околевање и луки их сокрушая*». В великом смятении татары известили об этом хана Кучума и «*повергиши его в страх великий*».

Другие аналогичные чудеса и видения ждут нас впереди, но не стану пока утомлять ими просвещённого читателя. В летописях и иных источниках оказалось мало правды. Зато полно противоречий и ошибок. Чудеса и видения можно считать самыми достоверными сведениями о походах Ермака. Хотите верьте – хотите нет.

Не только святитель Николай и его товарищи помогали Ермаку. Чудотворная шаль, которую, как мы помним, пригубил он, прощаясь с татаринком-мурзой, долгое время оберегала его и казачье войско.

* * *

Помнишь ли Ермак того татарина? Тебе, наверное, и поговорить по душам не с кем. Болтливого мурзы рядом не стало. Твои атаманы-разбойники тебе в рот глядят, лишнего слова не скажут. Поговори хоть со мной. От меня скрывать нечего. Я тебя насквозь вижу.

– Не жалеешь, что поддался уговорам мурзы? Не лёгок твой путь, и дальше не легче будет.

– Человек ходит, бог водит. Бог даст, и наперёд сего живота не лишусь.

– Мурза тебе велел проторить путь на восток. Не грабежом и насилием – величием и благом государя всея Руси. А ты, великий грешник, *«татарские острожки и юрты изгоном поплениши, и тотар посекоши»*.

Рассмеялся Ермак:

– Зело веселят речи твои. Откудова на Руси благодать и добро? Токмо кровушкой алой и пытками лютыми мера их. Государь наш великий – пример сему. Не зря сказывают: велик господь, да сатана проворней, – сказал Ермак и ехидно усмехнулся.

На этом мог закончиться наш не случившийся разговор.

* * *

К августу казаки без особых затруднений взяли городок, на месте которого потом появится [Тюмень](#). Не иначе, как с помощью высших сил. Благодаря им же, взято множество сокровищ: серебро, золото и меха сибирские.

После долгого и трудного пути, нескольких сражений, отрядам Ермака нужен был отдых. Близилась осень с ранними сибирскими морозами. Было решено зимовать здесь. Учитывая предстоящую долгую зиму, Ермак старался наладить отношения с местным населением, которое не оказало большого сопротивления при взятии этого городка.

Весной, когда реки освободились ото льда, Ермак отправился вниз по Туре, впадающей в Тобол. После боевых потерь и тягот пути, с Ермаком оставалось всё меньше казаков. Противодействие возросших за зиму отрядов Кучума усилилось.

Ермак плыл вниз по Туре, проявляя большую осторожность. Против него объединили силы шесть князьков во главе с сановником Кучума – Карачи. Они поджидали пришельцев в устье Туры. Там несколько дней шло упорное сражение с переменным успехом и закончилось победой Ермака.

Победа досталась вместе с большой добычей. Захватили не малые запасы продовольствия. Особенно запомнился казакам вкусный мед из хранилищ Карачи. Большинство трофеев битвы были неподъёмны для малых сил Ермака, поэтому их пришлось спрятать. После сражения численность отряда Ермака сократилась, но он продолжил путь по Тоболу.

Разгром казаками улуса Карачи вызвал ярость и страх в ханском дворце. Кучум осознал грозившую опасность. Он приказал в узком месте Тобола растянуть поперёк реки железную цепь, *«оградиши чрез цепми железными, яко да удержит вся струги и казаков убиют»*. Но Ермак разрубил её клинком дамасской стали, *«одолеши и цепи разломаша»*. Татарские стрелы мелькали и жужжали по всем сторонам, не причиняя русскому богатырю ни малейшего вреда.

Славный да вострый оказался клинок и хилые татарские цепи.

* * *

Чудоносные видения продолжали ободряюще влиять на казаков. В одном опасном месте свершилось величайшее чудо из чудес. Казацкое знамя с образом Спасителя само собой поднялось и пошло вниз по течению Тобола: *«Его ж образ, знаме любезное казакон, самовластна с места и поиде преди вниз по левому берегу Тоболу реки»*. Казаки, воспрянув духом и телом, яростно устремились вослед знамени, а бесчисленные стрелы врага не причиняли им ни малейшего урона.

Однако силы Кучума продолжали крепнуть. Нашла острая русская коса на твёрдый татарский камень.

В июле произошли два сражения. Недалеко от устья Тобола казаки овладели татарским городком мурзы Атика. *«... и поделаше струги лехкия и щыты, и поплышиа в них... под Сибирское царствие, под Тобольский град.»*

Известно другое чародейственное видение: *«на усть великих рек Иртыша и Тобола... и много во многое время видеша»*, как над рекой два зверя, белый и чёрный, сцепились в смертельной схватке. *«Бел и велик, волосистой, с вола, подобие волку»*. Другой *«же мал и черн, подобен псу гончому»*, символизируя русских, победил большого, белого. Через несколько дней белый зверь – символ татар – ожил, предвещая победу над русскими.

Восприняв небесные знамения с оптимизмом, Кучум с особым усердием продолжал укреплять свои силы и оказывать казакам яростное сопротивление.

Несмотря на некоторые благоприятные для русских явления чудес, борьба с Кучумом делалась всё тяжелее. Силы и численность отрядов Ермака истощались. С поредевшим отрядом он сумел добраться до устья Тобола.

В рядах казаков разгорелись споры о дальнейших действиях, но решено было двигаться дальше. В преддверье зимы недостаток продовольствия усугубил их положение. С переменным успехом казаки продолжали сражаться.

* * *

В октябре Ермак почти дошел до столицы ханства – Кашлыка. На подступах к городу произошло сражение, в котором казаки *«битву учиняше, одолевати»* хана Кучума. Тот, опасаясь *«царства своего конечное лишение и разорение»*, ударился в бег. Вот, как это случилось, в подробностях.

Кучум, видя приближение Ермака к своей столице, готовился дать решительный бой. Столица Кашлык, только называлась городом. Там жила лишь семья хана и его приближённые. Она была недостаточно укреплена. Решено было биться на Чувашском мысу.

Кучум мог выставить в поле минимум 10 тысяч воинов. Ермака должны были просто задавить числом.

Накануне во сне Кучум имел видение. Будто небо разверзлось со всех четырех сторон и появилось множество сверкающих и крылатых воинов, на которых было страшно смотреть. Они окружили его столицу и велели ему покинуть страну, которую бог отдал христианам.

Но хан не доверял этому сну. Он тщательно готовился к решающей битве.

Кучум расставил лучшие силы за поваленными стволами. Он решил установить две трофейные пушки, однако во время сражения они так и не выстрелили. Возможно, у Кучума порох оказался непригодным. Но есть более «правдоподобная» версия. Казаки, как утверждают летописцы (им лучше знать), умели заговаривать пушки, так что они не могли причинить им никакого вреда. Хан, в сердцах, приказал сбросить их с высокого берега в Иртыш.

В ходе битвы казаки, приблизившись к берегу, стали обстреливать кучумцев и одновременно высаживать своих воинов на берег. Татары старались заставить казаков отойти к стругам.

Бывшие впереди остяки и вогулы после первых же выстрелов растерялись и бросились в бегство. Татары, несмотря на панику в передних рядах, продолжали наступать. Они смогли добежать до рядов казаков и кинуться в рукопашную. Казаки успешно противостояли. В рядах воинов хана усилилась паника, татары начали отступать.

Бой продолжался до темноты, затихая и разгораясь снова. К исходу сражения яркая вспышка вдруг озарила небо, на котором появился огненный шар. От столь необычного зре-

лица остатки кучумова войска стали в панике разбегаться. Огненный шар, очертив по небу дугу, упал на один из холмов. На этом холме пять лет спустя будет основана крепость, давшая начало городу Тобольску.

Битва закончилась. Одержана полная победа Ермака. На берегу Иртыша, на тонком, местами затоптанном слое выпавшего ночью первого снега во множестве сияли яркие пятна крови. Повсюду лежали тела убитых, тяжело раненных и умирающих татар.

* * *

Кучум наблюдал за сражением с горы. Ещё до окончания битвы он понял, что его войско сократилось чуть ли не в десять раз, и что битва проиграна.

Сразу после поражения, он возвратился в свой столичный город, поспешно собрал все драгоценности и в следующую ночь бежал с семьёй и своими людьми.

Отряды Ермака подошли к ханской столице, чтобы принудить её к сдаче. К своему удивлению, они узнали, что хан ее уже покинул.

«Не шибко лютуйте!» – хотел сказать Ермак, заворожившись радостью трудной победы, но смолчал. Казаки уже кинулись искать по ханским шатрам ценных трофеев и татарских красавиц. Разграбив город, казаки пополнили запасы ценных мехов и продовольствия.

После этой победы Ермак имел большое уважение от многих вогулов, остяков и даже татар, получал щедрые подарки и большие почести. Казаки, воспользовавшись хорошим поводом – убедительной победой – известили царя об изгнании Кучума. Атаман Иван Кольцо отправился в Москву. Он повез с собою мягкую рухлядь и челобитную царю следующего содержания:

«Изволением божиим и великаго государя царя... Ермак со своими товарищами взял Сибирское царство, победил и обратил в бегство хана Кучума... многих татар, остяков и вогулов привел к присяге на том, что быть им под его царскою рукою до окончания веку и давать им ясак ежегодно... выступать храбро против недругов царя и самим никогда не изменять».

Обратились и с просьбой направить в Сибирь царское войско с воеводой. Царь дал согласие, прислал щедрые подарки, в том числе драгоценные панцири (кольчуги) для Ермака. Однако присланное царём пополнение не снабдили достаточным продовольствием и оно, погибая от голода, ничем не помогло Ермаку.

Ермак одержал ещё целый ряд трудных побед над Кучумом. Атаманы Ермака доходили по Иртышу до Оби. Ходили вниз по ней, подчиняя тамошних остяков.

Казаки создавали мобильные отряды и проводили зачистку прилегающих территорий. Оставшиеся в живых жители приносили присягу московскому царю, с них бралась дань, а иногда и аманатов — заложников.

Ермаку удалось все волости по правому берегу Оби пленить и перевести к христовой вере. Не умалчивает летопись о его личных заслугах: *«И приехав в первую Аремзямскую волости городок крепкий взял боем и многих лучших охотников повесил за ногу и расстрелял».*

Ермак иногда начинал сомневаться в своих жестоких деяниях, но крутым нравом не мог совладать.

Вверх по Иртышу сопротивление врагов продолжалось. Ермак нёс значительные потери не только в сражениях. Сильный голод продолжался всю зиму до весны. Многие умерли голодной смертью, а оставшиеся в живых употребляли в пищу мертвые тела своих товарищей.

* * *

Когда Иван Грозный, извещённый о крупных победах Ермака, готовил ему подарки, он оглядывал свою сокровищницу, выбирая царские кольчуги. Увидел там и известную нам шаль, вспомнил о её чудодейственных свойствах и с молитвою приложился челом.

Царь был очень расстроен своими неудачами в Ливонской войне. Он рассчитывал на подмогу волшебной шали. Как мы помним, Ермак тоже прикладывался к ней челом. Видимо, шаль плохо работала «на два фронта», пытаясь помочь Ермаку и царю. После победы над Кучумом, взятии его столицы, стал Ермак всё больше терпеть неудач и лишений. Не спасли его царские панцири, а лишь погубили...

* * *

Новый год проходил в малых и больших стычках казаков с татарами и остяками.

Весной скончался царь Иван Грозный. До этого Ермаку многое удавалось в Сибири, но фортуна истощалась и могла совсем изменить. Он стал готовиться к возвращению на Русь.

До Ермака дошло, как потом оказалось, ложное известие о приближении большого и богатого бухарского каравана. Он пошёл ему навстречу вверх по Иртышу и предвкушал знатный грабеж под предлогом защиты каравана от Кучума.

Кучум следил за продвижениями Ермака и готовил ему подобающую встречу. Подходящий случай настал в ночь с 5-го на 6-е августа 1584 года. Казаки расположились для отдыха на берегу острова между рекой и протокою.

Жаркий и трудный для казаков выдался денёк. Солнце в самом начале августа палило нещадно. Долго по мелководью тянули струги. Набегался и Ермак в тяжёлых доспехах, помогая и командуя. В конце дня сильно парило, а к вечеру стали густеть тучи.

Как начало темнеть, прилёг атаман отдохнуть на мягкую хвою под старой раскидистой елью. Крепко заснул во всей амунии. Слышал только, засыпая, отдалённые раскаты грома.

* * *

Снился Ермаку сон.

Расступились в ширь берега Иртыша. По широким да глубоким водам медленно плывёт то ли каравелла, то ли каракка. На борту название – «Санта Мария». На двух её мачтах подняты прямые паруса, а на бизань-мачте парус косой.

На носу судна, тёмным силуэтом на фоне светлого неба чётко выделяется стройная мужская фигура. Роста высокого, сложения хорошего, с большим орлиным носом, с чуть рыжеватыми поседевшими волосами, при бороде и усах. Смотрел этот матёрый человечище в далёкую даль, за широкий горизонт воды. За спиной у него – старый знакомый Ермака, татарин Тимер-мурза.

Человечище, чуть склонив голову, пронизательно глянул на Ермака и завещал хрипловатым голосом. Ермак чётко расслышал лишь последние фразы:

– ...Не посрамил ты род наш, но и твой остатний час грядёт. Силы небесные долго сберегали тебя. Что алчен да беспощаден – сие не велико худо. Без крутости добрых дел и я не свершал. Прощай Ермак, сын Тимоти и внук брата моего Готлиба Коломбо!

Замолк. Тишина с молчаньем и длились бы бесконечно, но стоящий позади мурза добавил с ехидной улыбкой:

– Не мало побил ты братьев моих. Да больше бога не станешь. Теперича и твой черёд грядёт! Молись, покудова...

Слушал Ермак в тревожном смятении духа и ужатии могучего тела. Язык одеревенел.

«Господи милосердный! Помилуй да сжался сердобольно над грешным рабом твоим!» – хотел воскликнуть, что было силы, но смог лишь пошевелить сухими губами... и внезапно проснулся от мощного раската грома и истошного, нечеловеческого крика.

Яркая вспышка молнии озарила жуткую и кровавую сцену...

* * *

Казаки с вечера ставили караулы. Но от сильного проливного дождя, который шел в ту ночь, караульные нашли укрытие и заснули. Один из разведчиков Кучума принес известие о том, как он на лошади беспрепятственно перебрался через Иртыш и застал русских спящими.

Ни о чём не подозревавшие казаки спокойно спали, когда подкравшиеся враги начали жестокую резню, «*казаков убиют нещадне*». Они часто просто душили спящих русских.

Ермак не был убит. Он, раненый, пробил себе дорогу через врагов к берегу, где стояли струги. Прыгая в воду, Ермак взмахнул рукой, боевая рукавица слетела с его длани и попала в самую гущу наступающих татар, «*побив зело много народу*».

Он был почти в безопасности. Один прыжок в струг – и мог быть спасён. На его несчастье, струг отходил от берега. Прыжок был неудачным, и он оступися. На Ермаке было два тяжёлых панциря, мешавшие ему плыть. Утонул Ермак, закончив жизнь в бурлящих водах Иртыша...

Перед самой смертью, пока сознание ещё теплилось, яркая картина проникла в его угасающий разум. Очутился Ермак на берегу с водными далями до горизонта. Стал искать каравеллу, но та уже уплыла вместе с Колумбом и мурзой. Пошёл по берегу и, вдруг, вокруг него осиным роем закружились татарские стрелы, норовя ужалить в самое сердце. Побежал Ермак, укрываясь от стрел, в чащу лесную. Бежал, что было сил. А сил совсем не было. Ноги онемели. Упал. Поднялся и снова упал...

Спасся лишь один казак, принёсший трагическую весть. На том героический поход Ермака закончился.

* * *

Многие чудеса, случавшиеся ранее с Ермаком, имели продолжение. Мёртвое тело через неделю было найдено татарами. По двум панцирям поняли, что это Ермак. Когда стали снимать панцири, потекла кровь изо рта и из носа, как у живого человека.

Татары положили нагого Ермака на помост. Каждый, кто приходил, пускал стрелу в тело, и каждый раз начинала течь кровь. Тело лежало шесть недель. Сколько ни прилетало птиц, ни одна не садилась на труп. Пришли Кучум с мурзами и остякскими князьями и снова вонзили в него стрелы. И вновь потекла кровь.

По всему видно, что высшие силы думали простить Ермака и оставить в живых, но передумали, не свершив до конца свою милость. Божия рука – владыка. Сильна божья рука, но переменчива.

Татары убедились в нетленности Ермака и по-своему обожествили его. Многим были видения во сне, в которых указывалось, что они должны похоронить тело. Татары были в смятении. Появилось достаточно доказательств, что происходит что-то необычное. Татары стали раскаиваться, что они так дурно обращались с телом и не выбрали Ермака еще при жизни своим ханом.

Его похоронили под кудрявой сосной. Каждую субботу видели над могилой в головах свет, как от свечи. В те субботы, когда православная церковь назначает заупокойные службы, над могилой появлялись целые столбы пламени, доходившие до неба.

Поверженное грозное божество, каким считали туземцы Ермака, продолжало насыщать на них свои кары. На протяжении многих ночей над могилой стоял яркий огненный столб, и всякий, кто приближался к нему, падал замертво. После погребения Ермака в тех местах случилось страшное землетрясение. Из разверзнувшейся земной тверди хлынула огненная река, от которой местному населению пришлось спасаться бегством.

Панцирь Ермака обладал чудодейственной силой, оберегавшей его в бою, придавал невероятные силы и звериную храбрость. Не меньшую силу имели могила и останки Ермака. Вот несколько живых свидетельств тому: *«Егда же яз был утробою болен и дали мне земли с его могилы, здрав явился до ныне». «С Ермакова тела и от платья чудотворение, болезненным исцеление, родительницам и младенцам отогнание недугов, на войне и в промыслах удачу».*

В память Ермака по татарскому обычаю устроили погребальный пир. Поминая, снова твердили, что был бы жив Ермак, сделали б над собою царём. Но татарам под страхом смерти было запрещено показывать русским могилу и рассказывать о чудесах.

* * *

Оставшиеся в живых сподвижники Ермака, лишившись brave атамана, поспешили покинуть Сибирь. На обратном пути не забыли про тайные схроны с богатыми трофеями.

Однако, основные трофейные сокровища Ермак прятал на болотистом острове Золотой Рог, неподалеку от Тобольска, где имелось несколько подземных ходов, уходящих в неизвестном направлении. Раньше на Золотом Роге будто бы располагалось языческое святилище с подземными галереями, которые вели в потусторонний мир.

Сохранилось немало свидетельств о странных явлениях, происходивших на покрытом болотами острове. Все попытки проникнуть в подземелья заканчивались таинственной смертью смельчаков. Лишь одному удалось вернуться живым. Из-за массивной, окованной металлическими пластинами двери, ведущей в подземелья острова, он слышал человеческие стоны и жуткий вой.

Смогли ли казаки забрать все сокровища Ермака – науке не известно. Вход в подземные пещеры затерялся среди непроходимых болот.

После смерти Ермака и возвращения жалких остатков его воинства на родину, история захвата Сибири активно продолжилась. Но это будет уже за пределами нашего пристального внимания.

Как бы там ни было, Ермак проложил путь к просторам Сибири, в страну «Челдонию» от кацапов центральной Руси.

* * *

Погиб Ермак спустя четыре месяца после кончины Ивана Грозного 18 марта 1584 года. После смерти царя чудодейственная шаль была убрана из его опочивальни. В ней она бережно хранилась несколько лет. Унесли в царскую сокровищницу и забыли о ней, где шаль потом пылилась около двух столетий. Пылилась, не покидая царский дворец, кроме, единственного раза, о котором мы узнаем позже.

Случайно или нет, в то время происходит решительный сдвиг в русской истории. В конце мая этого знаменательного года произошло венчание на царство наследника и сына Грозного – Фёдора Иоановича. Перед этим в Москве случилось крупное восстание против близкого сподвижника бывшего царя и опоры опричнины – Богдана Бельского. При венчании на царство Фёдор Иоанович произносил очень толковые и решительные речи. Шаль ещё не спрятали в сокровищницу. Но потом он становился вялым, боголюбивым и слабовольным царём.

Начинался великий перелом в истории России. Близился конец династии Рюриковичей. Покатилась Русь в период жёсткой борьбы за власть, мелкоцарствия и великой смуты. Страну охватил тяжелый политический климакс. Было ли тому причиной удаление из царских покоев шали – бог весть.

Пылилась шаль в царском хранилище, почти не покидая его, полторы сотни лет, а потом ещё кое-где тоже полторы сотни лет. Но была в целости и сохранности. Хоть никто не пригублял – забыли о её чудедействии, – но больших бед в России за три следующих столетия не случилось. Ширилась Русь-матушка, как могла, развивалась помаленьку. Шаль тому не препятствовала.

Влияла она или нет на неудержимый исторический процесс развития России? Мы видели очень странные совпадения, касающиеся нашей шали. Будут и ещё. В целом же честно скажем: хрен поймёшь этот исторический процесс, что и как на него в

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.